

УДК 140 (091) (47) "18/19"

*Е. А. Трофимова***«Славянская идея» в философии русского космизма Серебряного века**

В статье рассмотрена «славянская идея» как феномен русской культуры Серебряного века через сопоставление мыслей философов-славянофилов с идеями и образами художников, литераторов и базовыми идеями русского космизма. Русский космизм, развивая идеи будущего единения славянства и всего мира, наметил магистральные перспективы постиндустриального развития человечества, выступив с миролюбивой гуманитарной миссией. Русский космизм рассмотрен как творческое развитие «славянской идеи» и преодоление славянофильства. Патриотические иллюзии неославянофильства были развеяны реалиями мировых войн, но славянская идея выполнила важную роль в национальном самоопределении русского народа.

The article deals with the “Slavic idea” as a phenomenon of Russian culture of the Silver Age through the comparison of the thoughts of philosophers-Slavophiles with the ideas and images of artists, writers and the basic ideas of Russian cosmism. Russian cosmism, developing the idea of future unity of the Slavs and the world, outlined the main prospects of post-industrial development of mankind, speaking with a peaceful humanitarian mission. Russian cosmism is considered as a creative development of the “Slavic idea” and overcoming Slavophilism. Patriotic illusions of neo-Slavophilism were dispelled by the realities of world wars, but the Slavic idea played an important role in the national self-determination of the Russian people.

Ключевые слова: славянская идея, славянофильство, Серебряный век, модерн, философия общего дела, феномен странничества, номадизм, космизм.

Key words: Slavic idea, Slavophilism, Silver Age, modernism, philosophy of common cause, phenomenon of wandering, nomadism, cosmism.

Судьбы мыслителей и творцов Серебряного века оказались насыщенными значительными и эпохальными событиями, во многом «рубежными» для истории России. Ощущение перехода некой черты, исторического перелома, как известно, глубже заставляло думать, острее тревожиться о будущем. О поставленной проблеме можно сказать словами Н. А. Бердяева: «Всё болит сейчас в славянстве» [1].

Ситуация получила драматический окрас в связи с тем, что в первой четверти XX века и без того маловлиятельное славянофильство

было практически окончательно вытеснено западничеством в его различных формах: антихристианской (богоискательство, новое религиозное сознание, «христианство Третьего завета» и т. п.), радикалистской, национально-государственной, а в эмиграции еще и фашистской или «черного западничества» (по выражению П. Н. Миллюкова). Патриотические иллюзии неославянофильства были развеяны реалиями Первой мировой войны. В итоге победа осталась за радикальным западничеством – русским марксизмом.

Проведение линии сопоставления (вслед за Н. А. Бердяевым и Н. Ф. Федоровым) философии космизма и славянофильства, выявило некоторые интересные сюжеты, на которых и хотелось бы остановиться.

Разведя понятия «славянская идея» и славянофильство, Н.А. Бердяев резковато указал на «безответственность» славянофилов. Космизм же может быть рассмотрен как творческое преодоление славянофильства: космизм выступает как «ответственное» славянофильство, расширяя границы человеческой ответственности до вселенского начала. Героическое начало в человеке выступает в космизме как Явь и Правь.

Бердяев проводит радикальное различие между мессианизмом и миссионизмом, утверждая, что каждая нация имеет свою особую миссию, своё призвание в мире, соответствующее своеобразию её индивидуальности: «Русский мессианизм вступает в новую стадию. Достоевский говорит уже о том, что русский человек – всечеловек и что призвание России – всемирное. Мессианизм сознаёт свою универсальную природу» [2]. Мессианское сознание претендует на исключительное призвание, на призвание религиозное и вселенское по своему значению, мессианизм всегда мистичен.

Представляется важным сравнение славянофилов с космистами. Мыслители-космисты поняты Н. А. Бердяевым как представители всего новейшего, т. е. как модерн или модернизм:

«Соловьёв уже допускал возможность догматического развития, понимал церковь как богочеловеческий процесс на земле, чуял, что история идёт к богочеловечеству. Н. Ф. Федоров в своей философии общего дела проповедует активное отношение к природе и провозглашает безумно-смелую и дерзновенную идею воскрешения мертвых усилием человечества. Поваяло новым духом. Этот новый дух совершенно чужд западническо-рационалистической полосе нашей мысли, он генетически связан со славянофильством, но преодолевает односторонность и ограниченность славянофильства» [2].

Вывод Бердяева заключается, что справедливо, в признании сложности и многогранности славянофильского национального сознания:

«Славянофильское сознание представляет собой помесь мессианизма с миссионизмом, учения об исключительном призвании русского народа, допускающего лишь пророчески-мистическое оправдание, с учением о культурном призвании русского народа, допускающим научно-позитивное оправдание» [2].

Бердяев рассмотрел славянофильство в контексте культуры и традиции, подчеркнув динамический, творящий, способный к самоочищению характер традиции. Только на основе такой традиции мыслитель усмотрел возможность построения «религиозно-синтетической» культуры: «Если возможна в России великая и самобытная культура, то лишь культура религиозно-синтетическая, а не аналитически-дифференцированная» [2].

Н. А. Бердяеву удалось найти самый нерв, отличающий славянофилов от космистов, – это Странничество: «В славянофилах дух русской оседлости преобладал над духом русского странничества. Странник ходит по земле, но стихия воздушная в нём сильнее стихии земляной. Хомяков не был странником». В своих исследованиях Бердяев последовательно и доказательно проводит это различие «... и славянофилы жаждали Христовой правды о земле, Христова Града, но для торжества этой правды они требовали не столько странничества, сколько оседлости, не столько воздушного полета, сколько врастания в землю» [2].

В этюде «Душа России» Н. А. Бердяев ищет основные ориентиры и константы русского национального характера. Ключом к пониманию этого явления он называет антиномизм, противоречивость русской души. Бердяев отмечает «недостаточное развитие личного начала в русской жизни», некоторую «мягкотелость», «стихийность» русских людей. Грех славянофилов Бердяев усматривает в том, что «природно-исторические черты русской стихии они приняли за христианские добродетели» [3, с. 12–13].

Культурный феномен странничества сложился задолго до Серебряного века, но именно в эту эпоху странничество попало в особый фокус рассмотрения: именно Серебряный век начинает разрабатывать своеобразную метафизику странничества. Она выразила неоромантический порыв ведущих мастеров национальной культуры – глубже осмыслить свои собственные истоки и достижения для постановки задач обновления и улучшения мира, для Лучшего будущего.

Можно отметить, по крайней мере, две основные линии странничества: с одной стороны, это неоромантическая жажда вернуться к своим истокам и обрести их, а с другой стороны, попытка нахождения глубинного понимания между народами, культурами, областями, краями и регионами. Странничество дуалистично, ведь оно предстаёт как жизнь вне дома, за его пределами, но оно есть и расширение границ дома до попыток обустройства космического пространства.

Феномен странничества Серебряного века трудно рассматривать без учёта православных идей в той или иной форме, но важно отметить, что странники, особенно старообрядцы, проходя огромные территории России, персонифицировали взаимодействие восточных и западных, северных и южных её регионов. Можно сказать, что феномен странничества развивался и получил культурное оформление в плотной соотнесённости культур Востока и Запада. Опыт странничества способствовал нахождению духовных созвучий между народами.

Образ-концепт странника – сквозной мотив художественной культуры Серебряного века. Путешествие, как оно предстаёт в русских сказках или в западных мифах и легендах, это всегда искушение принять инаковое, это предложение забвения собственных корней и истоков. Русский странник Серебряного века не прельщается забвением своего в угоду выгоде и комфорту. По мнению Д. Дорофеева:

«...странник по сути есть явление именно древнерусской культуры, в нём воплотился уникальный образ человека, решившегося в скитаниях обрести свою форму жизни, понимаемой как вечный поиск Бога на дорогах мира. Здесь отрешённость от мира и связанность с ним неповторимо дополняют друг друга» [6].

В русском искусстве и литературе Серебряного века перед нами проходят образы сильных, парадоксальных, непредсказуемых личностей. Размах и широта их судеб создают представление о глубокой духовной мощи России. Яркое начало повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» сопряжено с историей тяжёлых испытаний и внутренних подвигов. Интригующее название повести привлекает: что это за колдовские чары, влекущие странников? Судьба Странника – соединение родного и вселенского. Он – универсален, он стоит как бы вне времени и временных потоков мира и судеб.

Внеисторичность русской культуры, отмеченная ещё П. Я. Чаадаевым, была воспринята деятелями Серебряного века в осмыслении судеб необустроенного Славянского мира. Необустроенность, неукоренённость, примат кочевого стиля жизни (номадического), – вот что увидел Чаадаев в русском мире:

«В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам» [19, с. 26].

Серебряный век проявил себя как необузданную игру творческих сил человека. Космизм, рассмотренный на широком поле русской культуры Серебряного века, начинает приобретать черты полифоничности. Идеи вселенскости проявились в космизме с особой силой, ведь он обращён к стихиям земли, воды и неба. Русский космизм Серебряного века связан не только с расширением сознания, долга и ответственности человека и человечества, но и с укреплением темы личного пути, персонализацией личного выбора. Серебряный век на место равнинной религиозности ставит горную, расширяет границы и пределы внутренней жизни и внутреннего чувствования. Эта нелюбовь к нормативности, к контролированию жизни ярко проявилась в странничестве. Именно странничество вобрало в себя сам дух русского космизма с его желанием преодоления преград, вплоть до земного тяготения.

Традиция странничества связывалась на Руси с укреплением и обретением религиозного чувства. Странничество явилось своеобразным способом осмысления пределов пространства, его границ, переходов, а значит тайн и загадок. Именно религиозное чувство мыслилось В. В. Розановым в качестве важнейшего моста с космической беспредельностью:

«ни в одном из видов своего творчества природа человека не является в таком величии и в такой красоте, как в творчестве религиозном. Нигде человек не переступает того тесного предела, которым ограничен он, и даже в науке, поднимаясь в высшие сферы умозрения, он остаётся только ничтожною частицей мироздания, он сознаёт себя отделённым от этого мира, потому что сознаёт этот мир как внешний объект своей мысли; и только в той отрешенности от всего личного, от всего временного и земного, которая составляет сущность религиозного чувства, человек освобождается от уз своих и сливается с Космосом. И только в этом чувстве человеческая природа является собранною в одно целое» [14, с. 348].

И эту же интенцию мы наблюдаем на картинах М. В. Нестерова, где изображены смиренные добрые странники, наполненные самоотверженной любовью и подвигом жизни, молитвенно умиляющиеся окружающей природе. Индивидуальное религиозное чувство становится вселенским океаном любви, пропитывающим каждый росток, травинку или дерево. Тихие скромные пейзажи русской природы Нестерова становятся воплощением разлитой в мире любви и непреходящей радости.

Путь странника проходит не через Россию, а через Святую Русь: сама природа на картинах Нестерова соучаствует в творении непрестанной молитвы, в практике «умного делания», в поиске Небесного града. По мнению биографа Нестерова С. Н. Дурылина: «Через тихие дали легенды Нестеров умел почувствовать и горький стон народного страдания, и бодрый шум битвы за родину» [7]. В образах странствующих подвижников Нестерова привлекала не только красота православной веры и обрядности, не только глубокая скромность и аскетизм изображённых персонажей, но и тихая созерцательная жизнь в согласии с русской природой. Вспомним такие работы художника как «Пустынник» (1888), «Видение отроку Варфоломею» (1890) и др. В работах художника периода Серебряного века русский пейзаж является воплощением состояния персонажей картин. Вспомним странников, любующихся пробегающей мимо лисой, Сергия Радонежского, общающегося с медведем... Настроение светлой радости, таинственных касаний божественного, внутреннее ликование, обретение тишины и покоя – на картинах Нестерова. Художнику словно вторят слова Розанова: «Нельзя достаточно настаивать на том, что христианство есть радость, и только радость, и всегда радость» [15, с. 253]. Бродя по выставке Нестерова, мыслитель обратил свой взор на эскиз акварелью «Два Лада», выполненный на древнерусский сюжет, посвящённый умиротворённости природы, человека и мира [11, с. 272].

Странник на полотнах Н. К. Рериха – это вестник, устремлённый к тайнам беспредельности, он находится в напряжении творческих сил и исканий. Странничество Рерихов – искание и обретение Пути: «Не вечный странник, но гонец стремящийся – Наш путь» [10]. Странничеству уделяется много места на страницах учения Живой Этики (Агни Йоги) [8]. В живописном творчестве Рериха человек – это Путник, Странник, идущий над бездной. Он связан «серебряными нитями» со всем мирозданием.

Тема странничества в творчестве Н. К. Рериха многомерна и символична: она разворачивает богатство своего содержания в духовный план и означает, прежде всего, духовное странничество и искание правды, способность к вечной проблематизации себя и своего места в Универсуме: «осознавший область сердца неминуемо пристаёт к берегам творчества. Как бы этот путник духа ни выражал своё творительство. Оно будет в основе своей тем же единым самоцветным камнем, о котором поют все лучшие сказания человеческие» [13, с. 10]. В Учении Живой Этики с образом странников связывается понимание роли движения, подвижничества в жизни человека.

Свой образ странничества представляет и Н. С. Лесков в повести «Очарованный странник» [9]. Этот образ не может быть понят без учёта значимости в жизни человека духовной реальности. Произведение Лескова – это не только рассказ о жизненном пути человека, пути препятствий, утрат и приобретений, но и история земных мытарств души в поисках путей спасения и обретения Града Небесного. Ключом к пониманию «двойного кода» текста Лескова является как само наводящее на смысл, взыскующее истины название повести, так и сны главного героя Ивана Северьяныча. Сны – зовы. Сны – предупреждения о терпении, как условия духовных достижений. В каких бы жизненных перипетиях не оказывался Иван Северьянович, его поддерживал тайный, глубоко хранимый духовный опыт и глубина веры. На личных страданиях, в личных испытаниях, в личном духовном опыте постигает очарованный странник действенность православных молитв.

По мнению Н. А. Бердяева: «В лучших сторонах нового русского искусства чувствуется славянский дух тревоги, бунта и странничества. По этому искусству можно судить, как много изменилось со времен славянофильства» [2]. Сближение славянофильства и космизма прослеживается в самобытности их философии.

Владимир Сергеевич Соловьев сделал важный теоретический вывод о созвучии исторического и космического процессов. Признавая двойственность славянского вопроса, мыслитель увидел всемирно-историческую роль русского народа в созидании вселенской церкви: «Признавши православие вселенской церкви за высшее начало нашей жизни, славянофилы положили истинное основание нашему национальному сознанию». Важным представляется вывод мыслителя о том, что славянофильство не было поглощено национализмом:

«...хотя славянофильство постоянно подпадало увлечениям национализма, но поглощено ими не было. Не имея надобности бороться за самостоятельность России как политического тела, лучшие силы нашего национального направления могли сосредоточиться на высших духовных задачах России – на том новом слове, которое Россия несет миру, на том великом всемирном деле, которое она должна совершить» [16].

Проблема соединения суверенного и уникально-неповторимого индивида с космической беспредельностью – одна из сложнейших в русском космизме – решалась как в эстетически-художественном, так и в религиозно-метафизическом ключе. Для Н. Ф. Фёдорова развитие творческой индивидуальности для себя самой, как свидетельство прогресса, не имеет смысла, являясь лишь проявлением розни и эгоизма. Общее дело, со-работничество по воскрешению отцов, замена пита-

ния – творчеством, восстановление Братства способствуют возвеличиванию человека, его развитию и расцвету, наполняя его жизнь духовным смыслом в единении мысли, чувства и воли [17, с. 41].

Н. Ф. Федоров связал со славянством многие свои помыслы. Тема славянства явлена им в мечтах о животворящем родстве – братстве, и в обосновании роли славян и России в Общем деле. Однако по отношению к славянофилам Федоров высказался категорически критично, обвинив их в неискренности:

«славянофилы – те же западники, отделить их совершенно друг от друга невозможно; у них, грешивших одним и тем же грехом неискренности, должно быть и общее покаяние». Федоров высказывает следующие обвинения западничеству: «Западничество, отрицая Отечество, заменяет братство гражданством; славянофильство признает мнимое отечество и недействительное братство» [18, с. 192].

Федоров достаточно последовательно критикует неопределенность мыслей славянофилов об единении, показывая явную недостаточность одного восхваления соборности без призыва к общему делу. Он показывает необходимость понимания долга, цели, способов единения сил по образцу Троицыного Божества. Федоров мечтал об единстве или единении славян без поглощения и розни. По мнению этого мыслителя, нужно понять патриотизм не как ненависть к инородцам и иноверцам, а как деятельную любовь к своему страдающему народу.

Россия только в задатках носит в себе проект воскрешения. Мыслитель-космист обстоятельно анализирует эти задатки, парадоксально усмотрев в них условия дальнейшего движения по пути реализации проекта общего дела:

- Родовой быт (потерявшие отца – сироты).
- Община (учение о круговой поруке, нет вражды между родителями и детьми, ориентация земледелия на верный результат, а не на доход.
- Земледельческий быт
- Бессословность
- Государство служилое
- Государство *не* признающих за собою прав, а сознающих себя виноватыми; отсюда вытекает необходимость повиновения, повинности;
- Способ распространения государства при помощи сторожевых линий.

Особенно интересны замечания Фёдорова о географических факторах истории, о геополитике и сакральной географии, как сейчас говорят. Собираение земель, в котором прошла вся жизнь России, и стало ее функцией, таким отправлением, без которого она перестала бы существовать.

Федоров отмечает, как положительное начало, отсутствие сделок между светским и духовным. Благодаря тысячелетнему застою мы чувство братства не заменили юридической сделкой. Вывод Федорова заключается в понимании славянства и России как важного орудия божественного плана:

«Все вышеисчисленные задатки указывают, что в нашей жизни не может быть противоположения человеческого божественному, что в ней есть возможность и способность сделаться орудием божественного *плана*» [18, с. 217].

Александру Леонидовичу Чижевскому принадлежит открытие тотального влияния солнечной активности на динамику жизнедеятельности человека в биосфере, на стихийные массовые явления в человеческом обществе, на динамику процессов в социосфере. В понятие «среда» он включает понятие «космическое пространство». В этой идее видно знание и понимание древней мифологии славян:

«Мы лишь отчасти приблизились к пониманию той огромной роли, которую играет солнечная радиация в органической жизни Земли.

Что представляет собою Солнце для современного человечества? Не более как явление природы, подобное многим другим! Не тем оно было для наших предков... Солнце было для них мощным богом, дарующим жизнь, светлым гением, возбуждающим умы. Вся мифология древних проникнута слепящей символикой солнечного луча! Интуиция наших предков привела их к тому же заключению, что и завоевания науки! Люди и все твари земные являются поистине «детьми Солнца» – созданием сложного мирового процесса, имеющего свою историю, в котором наше Солнце занимает не случайное, а закономерное место наряду с другими генераторами космических сил» [20].

В работе «Физические факторы исторического процесса» Чижевский рассмотрел общее и частное воздействие солнца на исторический процесс. Здесь он вторгается в сферу философии истории. Чижевский основывается на теории Генри Томаса Бокля, настаивающей на познании массовых явлений, поступков людей с помощью статистики. Популярным стал вывод Чижевского о влиянии космических факторов на исторический процесс.

Философия космизма настаивает также и на влиянии духовных и нравственных факторов на пути цивилизации и культуры, на расширении границ человеческой ответственности за судьбы Земли [12]. Стремление к синтезу, к целостности в русской философии можно рассматривать как реакцию на негативные аспекты социокультурного развития, на опасности духовного, организационного, хозяйственного, политического распада.

Судьбу славянства по своему, в космическом ключе, осмысляет поэт, художник, мыслитель Максимилиан Александрович Волошин. Особая чувствительность к ритмам истории, к геологии Земли и мирозданию позволила поэту-провидцу гениально воссоздать художественную концепцию «Живого космоса». Акварели и поэзия Волошина пронизаны космическим мироощущением: оно проявляется как во взгляде на большое, великое, так и во взгляде на неуловимо малое. Концепция «великое в малом» пронизывает всё творчество М. А. Волошина. Венок сонетов «Lunaria» (1913) поражает тончайшим пониманием сбалансированности происходящего на земле и на небе:

«Жемчужина небесной тишины
На звёздном дне овьюженной лагуны!
В твоих лучах все лица бледно-юны,
В тебя цветы дурмана влюблены» [4, с. 118].

В творчестве Волошина воплощено теургическое томление. В стихотворении 1918 г. «Ангел времён» поэт виртуозно изображает картину нашей планеты, видимую из Космоса: космический взгляд на европейские и азиатские очертания России заставляет увидеть её земное и космическое предназначение [5, с. 28].

Как и многим творцам Серебряного века Волошину был присущ особый ориентализм, понимание роли России как моста между Западом и Востоком:

«Русь – Третий Рим – слепой и страстный плод:
Да зачатое в пламени и в гнев
Собой восток и запад сопряжёт!»

В размышлениях об предназначении России взгляд поэта обращается также и к западным форпостам России, – своеобразно и неизбито в поэзии Волошина появляется петербургская тема:

«Но роковым охвачен нетерпеньем,
Всё исказил неистовый Хирург,
Что кесаревым вылушил сеченьем
Незрелый плод Славянства – Петербург».

Живя в роковые моменты русской истории, наполненные бедой, стонами и «кровавыми закатами», поэт Волошин свято верит в будущий, пока не раскрытый потенциал славянства:

«Пойми великое предназначенье
Славянством затаённого огня:
В нём брезжит солнце завтрашнего дня.
И крест его – всемирное служенье» [5, с. 29].

Космическое мироощущение раскрыло в славянском вопросе новые грани – многомирие, разнообразие потаённого в мире, проблему личной неустрашимости в процессе творчества, тонкую сбалансированность человека и космической беспредельности, веру в тайну глубокого предназначения человека и человечества. Подводя итог, можно сказать, что «Славянская идея» не являлась ведущей в философии русского космизма, но, тем не менее, она заняла значимую позицию и сыграла видную роль в становлении самосознания и самоопределении русского народа.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Славянофильство и славянская идея. [Электронный ресурс]. – URL: <https://profilib.net/chtenie/57925/nikolay-berdyaev-sudba-rossii-sbornik-32.php> (дата обращения: 27.09.2018)
2. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/homiakov/8> (дата обращения: 27.09.2018)
3. Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1990.
4. Волошин М. А. Избранные стихотворения. – М.: Сов. Россия, 1988.
5. Волошин М. А. Пути России: Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1992.
6. Дорофеев Д. Введение в историю странничества в западноевропейской и русской культурах [Электронный ресурс]. – URL: <http://anthropology.rchgi.spb.ru/doc16.htm> (дата обращения: 18.09.2018)
7. Дурылин С. Н. Нестеров в жизни и творчестве. 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1976. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.libfox.ru/269183-sergey-duryilin-nesterov.html> (дата обращения: 27.09.2018).
8. Живая Этика (Агни Йога). [Электронный ресурс]. – URL: <http://agniyoga.sibro.ru/> (дата обращения: 27.09.2018).
9. Лесков Н. С. Повести и рассказы. – Л.: Лениздат, 1977.
10. Листы сада Мории. Кн. 2. Озарения. [Электронный ресурс]. – URL: http://agniyoga.sibro.ru/living-ethics/ozarenie/?PAGEN_2=2 (дата обращения: 27.09.2018).
11. Молящаяся Русь (На выставке картин М. В. Нестерова) // Розанов В. В. Сочинения. – М.: Сов. Россия, 1991.
12. Пронина Т. С. Творческий ландшафт // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2001. – № 3 (23). – С. 22–23.
13. Рерих Н. К. Твердыня Пламенная. – Париж: Всемирная Лига Культуры, 1932.
14. Розанов В. В. О понимании. – СПб.: Наука, 1994.
15. Розанов В. В. Сочинения. – М.: Сов. Россия, 1990.
16. Соловьев В. С. Славянский вопрос. 1884. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.odinblago.ru/soloviev_5/1_4%20%20%20%20 (дата обращения: 27.09.2018).
17. Фёдоров Н. Ф. Философия общего дела: в 2 т. – Т. 1. – М.: АСТ, 2003.
18. Фёдоров Н. Ф. Философия общего дела: в 2 т. – Т. 2. – М.: АСТ, 2003.
19. Чаадаев П. Я. Философические письма / Избранные сочинения и письма. – М., 1991.
20. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. – М., 1976. [Электронный ресурс]. – URL: <http://yourlib.net/content/view/12376/146/> (дата обращения: 27.09.2018).

Статья поступила: 01.10.2018. Принята к печати: 31.10.2018